

„МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЛЕДИ“

Гастроли американских артистов

Первая картина «Моей прекрасной леди» заканчивается песенкой бедной цветочницы Элизы «Чудно будет, правда?»... Элиза (артистка Лола Фишер) мечтает и поет на ночной площади Лондона, окруженная такими же, как она сама, бедняками, в час, когда убирают улицы и гасят огни. Смешная, неуклюжая, в туфлях не по ноге, с длинными вытянутыми носками, кутаясь в большой теплый платок (действие происходит в холодном марте), она садится на тележку мусорщика, и кажется — ей удобно, как в карете. Бродяги, уличные комедианты, оборванцы подхватывают песенку девушки с испачканным лицом и пелеными прядями волос, выбивающимися из-под неслепой шляпы...

Так возникает в музыкальной комедии по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион», привезенной американскими артистами на гастроли в Ленинград, ее главная тема — тема человеческой надежды. Позже, в другой своей песенке — «Я могла бы пропалце-

вать всю ночь» — Лола Фишер наполняет мечты Элизы проникновенным и глубоким лиризмом. В аниме, ключе, весело и озорно, подтанцовывая, поет о своих надеждах Альфред Дулиттл (артист Чарльз Виктор). «И немножко удачи...» — вот чего ждет бедняк-мусорщик! Ему вторят товарищи, веселые и неунывающие, как и он сам (артисты Чарльз Пеннан и Эрик Брайерсон). Юношески размашистый, обаятельный, полный влюбленности и энергии, будет нетерпелив о своих надеждах на любовь и Фредди (артист Рид Шелтон). Жизнерадостные мелодии и ритмы (композитор Фредерик Лоу) пронизывают спектакль. Например, переводится в музыку и танец радость от первого успеха Элизы. С помощью повторяющихся музыкальных фраз поющей прислуги Хиггинса передается течение времени в пятой картине. Постановщик Мосс Харт и музыкальный руководитель спектакля Франц Аллерс создали подлинный ансамбль. Веселая хореография (Халл Холм), декорации, напоминающие изящные английские таунхаусы (художник Оливер Смит), свет, оживляющий все, что происходит на сцене (Федер), — всегда органичны, выразительны, театральны.

Артисты насыщают действие «Моей прекрасной леди» той прозой, без которой невозможно было бы хоть отчасти передать стиль Бернарда Шоу. «Пигмалион», превращенный

в музыкальную комедию (сценарий Габриэля Паскаля, автор либретто и текста песен Адлан Джей Лернер), остался «Пигмалионом». Острый гротеск есть в обрисовке великодушного общества в эпизоде театрального разъезда и особенно в сцене на ипподроме, где дамы, появляясь в умопомрачительных туалетах (художник по костюмам Сесил Битон), своими подчеркнуто изысканными телодвижениями и позами напоминают экстравагантные манекены. Смелая, безудержная шутливость характеризует сцену на цветочном рынке у Коувент-гардена с ее жизнерадостными бравурными плясками уличной толпы. Исполнители чуть подсмеиваются и над одержимостью профессора Генри Хиггинса (артист Майкл Эванс), и над уважением к полковнику Пикерингу (артист Роберт Кут), и над неличавостью мадам миссис Хиггинс (артистка Маргарет Беншерман), и над пуританской строгостью миссис Пирс (артистка Кэтрин Хайнс), и над мальчишеской несдержанностью Фредди, и над самой Элизой, когда ей в доме Хиггинса или во время чая на ипподроме не удается постигнуть уроки правильного произношения и выдержать до конца светский тон. Изобретателен юмор артиста Чарльза Виктора. Но эта ирония сочетается в спектакле с искренностью чувств.

Тонкими штрихами режиссер подчеркивает тот смысл истории цветочницы Элизы, вне которой «Моя прекрасная леди» могла бы оказаться лишь радующим глаз зрелищем. Элиза входит в дом Хиггинса не только для того, чтобы из бедной замарашки превратиться в леди. Нет, она воздействует и на своего учителя — отстаивая свое челове-

ское достоинство, она дает избалованному профессору важный нравственный урок. С помощью гибкой ритмической выразительности артист Майкл Эванс показывает смену переживаний и настроений Хиггинса, сперва захваченного одними своими опытами, а потом заполненного привязанностью к Элизе. Лола Фишер очерчивает этапы развития Элизы, пользуясь броскими интонациями речи, движениями, жестами. Когда после приема в посольство — ее последнего экзамена, — не сняв черную расшитую серебром бархатную пелерину, Элиза — Лола Фишер молча слушает веселый дуэт Хиггинса и Пикеринга, забывших о ней после выигранного пари, в ее строгом молчании, в застылости движений ощущается, что происходит второе рождение девушки, ее нравственный рост.

Последняя картина «Моей прекрасной леди» заканчивается непритязательной сценической шуткой. Элиза вернулась, и Хиггинс счастлив — откидываясь на спинку кресла, он закрывает лицо газетой, чтобы скрыть свою радость — радость торжества. Но торжествует не эгоизм Хиггинса, а искренность его чувств. Сценическая искренность торжествует и в спектакле американских артистов, создавших остроумную музыкальную комедию.

Перед началом первого спектакля американских артистов оркестр исполнил гимны Советского Союза и США. Ленинградские зрители тепло приняли спектакль. Майкл Эванс и Лола Фишер после представления обратились к публике со словами благодарности.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

На снимке: сцена из спектакля
Фото Г. Колосова

11 МАЯ 1960
ВЕЩАЮЩИЙ ЛЕНИНГРАД